

Зарин Андрей Ефимович

Семья

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
А65

А65 **Андрей Ефимович З.**
Семья / Зарин Андрей Ефимович – М.: Книга по Требованию, 2023. – 246 с.

ISBN 978-5-519-85680-5

ISBN 978-5-519-85680-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Праздничное настроеніе.

«Роздали наградныя. Владиміръ Николаевичъ получилъ 200 рублей.

Когда онъ уходилъ со службы, Аркадій Львовичъ догналъ его, сказалъ: «пойдемте вмѣстѣ», и веселый, самодовольный пошелъ съ нимъ рядомъ, натягивая на руки свѣжія перчатки.

Былъ свѣтлый, радостный весенній день. Солнечные лучи сверкали и горѣли; по панелямъ, чистымъ какъ полъ, толпамъ шли радостные люди, одни,—покупая праздничные подарки, другіе—гуляя.

Женщины въ костюмахъ, возбуждающихъ чувство, были, казалось, особенно оживленны, и глаза ихъ сіяли, а лица радостно улыбались.

Это оживленіе заразило и Аркадія Львовича.

Онъ натянулъ перчатки, поправилъ шляпу и принявъ безпечный видъ самодовольнаго вивера, испытующе оглядывалъ всѣхъ встрѣчныхъ женщинъ и говорилъ безъ умолку:

— Люблю эти радостные дни! Сегодня общался съ графиней Беребей на базаръ ѣхать, завтра съ Люси Андреевой на вербы, вечеромъ у Губовой. А тамъ праздники. Превесело! Я, знаете, завтра

и на службу не пойду. Ну ее! награду дали и все кончено. Вы тоже 200 получили?

— Я думаю, тоже,—сухо отвѣтилъ Владиміръ Николаевичъ, глубже засовывая руки въ карманы своего потертаго пальто.

— Добросовѣстно дали. Дай меньше, и я бы растерялся. Одному портному надо хоть 75 рублей. А тамъ чай, подарки. Вы домой?

— Домой...

— Смотрите, какая милашка? Улыбнулась... а я погуляю и—къ Кюба! Такъ до свиданья!

— Всего хорошаго...

Владиміръ Николаевичъ пожалъ сослуживцу руку и медленно, опустивъ голову, пошелъ по улицѣ къ далекимъ Пескамъ, а Аркадій Львовичъ закурилъ сигару и повернулъ назадъ къ Полицейскому мосту, самодовольно улыбаясь въ сознаніи силы, здоровья и свободы.

Владиміръ Николаевичъ шелъ и думалъ...

Получилъ 200 рублей, и почти не съ чѣмъ будетъ встрѣтить праздника! не то что-бы хоть сюртукъ купить. Эхъ, жизнь! хоть и не живи. Работаешь, работаешь и вотъ... ходи оборванцемъ, не истрать рубля и гляди, какъ мимо съ веселымъ смѣхомъ проходитъ жизнь другихъ, похожая на праздникъ.

Хоть бы тотъ же Аркадій Львовичъ. Однихъ лѣтъ, одного образованія, съ тѣмъ же служебнымъ положеніемъ, и его жизнь—сплошной праздникъ. Вонъ у него и графиня тамъ, и Люси, и Зизи, и портной 75 руб., и Кюба. Тьфу! а тутъ съ Степановымъ пропилъ 10 р., такъ считалъ себя чуть не преступникомъ.

А какъ бы могъ жить!.. Вотъ теперь эти 195 р. и полная свобода?.. одинъ?.. а?..

И Владиміръ Николаевичъ замечтался.

Онъ представилъ себя въ положеніи Аркадія Львовича.

Вотъ онъ обѣдаетъ у Кюба, вотъ онъ бродитъ по базарамъ, покупаетъ подарки и вездѣ его радостно встрѣчаютъ, и женщины смотрятъ на него съ вождельніемъ. А по службѣ?.. Вице директоръ зоветъ его на винтъ, всѣ съ почтеніемъ...

Онъ вошелъ въ ворота огромнаго каменнаго дома на 6-й улицѣ и сразу очнулся, и на душѣ его осѣла горечь неудавшейся разбитой жизни.

И какъ глупо!.. Не окончивъ еще университета, влюбиться въ первую встрѣтившуюся дѣвушку и — ва!.. четверо ребятъ и жизнь — каторга...

Онъ поднялся въ пятый этажъ и рѣзко дернулъ звонокъ.

Ему тотчасъ отворила дверь еще молодая, красивая женщина.

— Ну, что? выдали? сколько?—тревожно спросила она, пока онъ снималъ пальто и шляпу.

— Дай хоть раздѣться,—рѣзко отвѣтилъ онъ,—еще успѣешь...

Она безпокойно взглянула на мужа и молча прошла въ комнаты.

Владиміръ Николаевичъ вошелъ и къ нему бросились дѣти.

— Папа, мы пойдемъ на вербы? Можно будетъ?

Онъ невольно улыбнулся.

— Можно! Катя, пройди ко мнѣ.

Она сразу оживилась.

— Вы, дѣти, побудьте тутъ, я сейчасъ. Лиза, скажи Марфѣ, чтобы обѣдъ подавала!—и прошла въ комнату мужа.

— 195!—сказавъ онъ, вынимая деньги.

Она взяла деньги, спрятала ихъ и озабоченно вздохнула.

— Какъ мы справимся?—сказала она.— 50 по твоему векселю, 50 въ мелочную и мясную, 10 за молоко, Марфѣ хоть 15 рублей, праздники—все ужъ рублей 40, да чай, да подарки... Я ужъ не говорю, что ни у меня, ни у Лизы надѣтъ нечего...

— Какъ-нибудь ужъ справься,—сухо отвѣтилъ онъ и по лицу его прошли тѣни.

Она встала со стула, подошла къ нему и обняла его.

Онъ сдѣлалъ нетерпѣливое движеніе.

— Отчего ты такой?—съ упрекомъ спросила она.

— Такъ... А обѣдъ скоро?..

За обѣдомъ оживлены были только дѣти, потому что мать собиралась везти ихъ на вербы.

Владиміръ Николаевичъ легъ спать.

Они уѣхали.

Въ карманѣ деньги, дѣти такъ рады, такая прекрасная погода, кругомъ веселые люди, и Катеринѣ Степановнѣ стало весело.

Они пошли вокругъ Гостиного двора. Тринадцатилѣтняя Лиза останавливалась у витринъ и горящими глазками глядѣла на изящныя бездѣлушки; восьмилѣтній Коля останавливалъ у оконъ съ оружіемъ; Степа тянулъ къ лоткамъ, а сама Екатерина Сте-

пановна смотрѣла на выставки нарядовъ. Только смотрѣла... Она видѣла, какъ въ магазины входятъ женщины и выходятъ изъ нихъ съ пакетами; дѣти видѣли другихъ дѣтей съ игрушками... и всѣмъ становилось непріятно.

Степа утѣшился воздушнымъ шаромъ, Коля пистолетомъ, а сама Екатерина Степановна не рѣшилась купить ничего ни себѣ, ни Лизѣ.

— Мы пойдемъ съ тобой завтра,—сказала она дочери и, когда они ѣхали домой, она задумалась о своей, безъ жизни пережитой, жизни. Безпечной веселой дѣвушкой она встрѣтилась съ студентомъ, влюбилась и затѣмъ вышла за него замужъ.

Не видѣвъ даже жизни.

И затѣмъ—дѣти, и тотчасъ бѣдность, и тотчасъ хлопоты и работа за кухарку, за горничную, за няньку.

И такъ вся жизнь!..

Гдѣ же она?

А могла бы она сложиться совсѣмъ по иному. Могъ встрѣтиться другой...

И на душѣ ея осѣла горечь неудавшейся жизни.

Когда они вернулись домой, Владиміръ Николаевичъ уже проснулся и ждалъ ихъ съ самоваромъ.

Сонъ примирилъ его съ жизнью, и онъ ласково встрѣтилъ вернувшихся.

— Ну что, повеселились?

— Повеселились,—рѣзко отвѣтила Екатерина Степановна,—видѣли разныя вещи въ окнахъ, видѣли, какъ люди покушаютъ и веселятся. Съ насъ

и того довольно!—и она кинула на диванъ снятую старенькую кофту.

Владиміръ Николаевичъ смутился. Дѣти стихли.

— Катя, отчего ты такая?..—осторожно спросилъ онъ.

— Такъ...—отвѣтила она сухо и, отвернувшись, вытерла слезы.

Сила безсилія.

«Если говорить откровенно, то свою любовь къ ней я ощутилъ именно съ того момента, какъ она заплакала. Были мы съ ней тогда уже друзьями. Какъ сейчасъ помню, въ свѣтлый іюльскій вечеръ сидѣли мы на небережной Невы. Взадъ и впередъ сновали пароходики, изъ «Аркадія» доносились музыка,—а вокругъ тишина. Господи, Боже мой!.. Заговорили мы съ ней о чемъ-то, не помню уже о чемъ; помню только, что ея точка зрѣнія не поправилась мнѣ. А былъ я въ тѣ поры самонадѣянъ и рѣзокъ. Загорячился, вспылить и сказать ей какую-то колкость, что-то о птичьихъ мозгахъ, кажется. Она вдругъ смолкла, словно оборвала, и подняла голову кверху. Взглянулъ я на нее, и сердце у меня всколыхнулось. Смотрить она вверхъ широко раскрытыми глазами, а они въ это время медленно наполняются слезами; переполнились, и вдругъ слезы градомъ западали внизъ, а она все сидитъ недвижно и неморгающими глазами смотреть вверхъ.

Въ первый разъ я увидалъ, чтобы такъ плакали. Другіе моргаютъ глазами, щурятся, сморкаются,

закрываются платкомъ, а тутъ—словно ребенокъ, словно молящаяся небу Божья угодница!.. а кругомъ тишина, рай Божій... размягчилось мое сердце, сжалось отъ раскаянія и жалости, и такую въ эту минуту я къ ней нѣжность почувствовалъ, что схватилъ ся руку, сжалъ и понесъ ту окоlescную, которую каждый изъ насъ въ свое время несъ...

Послѣ этого ровно черезъ три мѣсяца я и женился.

А тамъ и пошло...

Началось съ самаго ничтожнаго случая Былъ у меня пріятель (положимъ, я и теперь съ нимъ видаюсь, но потихоньку); жили мы съ нимъ душа въ душу, чуть не съ гимназіи, но на бѣду не понравился онъ моей женѣ. И, вотъ, однажды зашелъ онъ ко мнѣ и уходя пригласилъ къ себѣ на другой день на пирушку. Я обѣщался; онъ ушелъ. Только онъ ушелъ, жена мнѣ и говорить:

-- Надѣюсь, ты не пойдешь къ нему?

Я удивился.

— Отчего?—спрашиваю.

— Во-первыхъ, оттого, что тамъ холостая вечеринка, и, идя на нее на четвертый мѣсяцъ послѣ свадьбы, ты словно покажешь, что несчастливъ; во-вторыхъ, тамъ могутъ быть Богъ знаетъ кто и говорить Богъ знаетъ что и, наконецъ, я прямо это сочту за оскорбленіе...

Она шумно встала, а я остался сидѣть, словно припитый.

— Но, милая... онъ мнѣ другъ ..

— А я жена!

— Но...

— Ахъ, дѣлай какъ знаешь!—вдругъ заявила она и ушла въ спальную.

Я посидѣлъ немного, допилъ вино и пошелъ за нею. Вхожу въ спальную и что же? Сидитъ она въ креслѣ подлѣ своего столика; голову подняла кверху, а слезы у нея градомъ, градомъ...

Я смутился.

— Боже мой, говорю, Лиза, изъ за такой глупости...

— Для меня это не глупости! Я хочу, чтобы меня уважали всѣ и не третировали на пьяной пирушкѣ.

— Но, кто посмѣетъ?

— Ахъ, оставь меня! Я сказала, что это твое дѣло!

И опять подняла голову кверху и замолчала, устремивъ глаза, полные слезъ, на потолокъ.

Господа, я любилъ ее!.. и тутъ она показалась мнѣ такой страдальцей, а я такимъ свиньей.

«Что, думаю, тебѣ пріятель? Вѣдь, она права. Картежъ будетъ, пьянство, а за ужиномъ такія бесѣды, что холостому совѣстно!..»

Всталъ я передъ ней на колѣна, взялъ ея руки, цѣлую и говорю:

— Лиза, перестань! Ну, будетъ! Къ черту его; я завтра пошлю ему записку—и баста!

Она улыбнулась, вытерла слезы, нагнулась и обняла меня.

Миръ былъ заключенъ. На другой день я послалъ пріятелю записку и просидѣлъ съ женою весь вечеръ дома...

Не пошелъ къ пріятелю?—пустякъ! Но она была права, говоря, что это не глупость. Нѣтъ-съ, эта была первая уступка, за которой послѣдовала вторая, третья и т. д.

Мало по малу, я отказался почти отъ всѣхъ старыхъ знакомыхъ, бросилъ курить сигары, однажды — далъ слово никуда безъ нея не ѣздить; сидя въ гостяхъ, по ея знаку прерывалъ самую интересную бесѣду — и все это подъ страхомъ видѣть ея слезы.

Помню, однажды я задумалъ отвоевать свою свободу и рѣшился дать генеральное сраженіе. Случилось, что посыльный принесъ мнѣ письмо, пустое, отъ сослуживца. Я прочелъ и положилъ его въ карманъ. Жена захотѣла тоже прочесть его, а я и не далъ. Она заплакала.

Я отвернулся, чтобы не видѣть ея слезъ, но подлая жалость уже пробиралась въ мое сердце. Я быстро выхватилъ письмо и, изорвавъ его въ клочки, бросилъ на полъ.

Тогда, господа, съ ней началась истерика!.. Вы знаете эту вещь? Плачь ея усиливался; она содрагалась всѣмъ тѣломъ, потомъ положила голову на столъ и зарыдала, какъ ребенокъ, съ всхлипываніями, все горче и горче. Господи, сердце разрывалось на клочки; слушая этотъ безпомощный плачь, а онъ не унимался и становился все тоскливѣе и тяжелѣе. А потомъ она вдругъ соскользнула на полъ и начала биться въ судорогахъ. Я схватилъ стаканъ съ водою, нагнулся къ ней, поднялъ ея голову и сталъ поить ее. Ея зубы стучали о край стакана;